

М.А. Румянцев

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СИСТЕМА АНТИЧНОСТИ

В статье исследуется нормативная модель общественно-хозяйственного устройства Древнего Рима. Особое внимание уделяется иерархии в античном обществе, базовым хозяйственным ценностям и представлениям о значимости хозяйственных благ для римлян. Показаны особенности обожествления государства, стадии развития и ключевые социально-экономические трансформации в Древнем Риме. Утверждается, что в Византийской империи государственные, хозяйственные и правовые институты Рима были освоены и наполнены христианским содержанием.

Ключевые слова: капитал, собственность, богатство, гражданская община, иерархия, обожествление государства, экономика, Древний Рим, Византийская империя.

Введение

Античности (как и другим традиционным обществам) была неизвестна линейная история в качестве однонаправленного течения времени к определенной конечной цели. С точки зрения древних греков, у истории нет цели: социальный и природный космос самодовлеущ, он пульсирует, сужается и расширяется — но глубинное, закономерное содержание истории остается неизменным.

Огромное значение в разработке принципов античного мышления принадлежит диалектике Платона – Плотина. Подход Платона основан на устремленности к постижению всего необозримого Космоса как целого и всех частей этого целого. Так зародилась платоновская диалектика Первоединого: единство одного и многого, предела и беспредельного. Подобный синтез зиждется на понимании Первоединого как сверхсущего Первоначала, оформляющего, организующего и одухотворяющего Космос. Идея универсальной космической осмысленности всего живого целого закономерно приводит Платона к идее выразительности смысла, к оформлению смысловых ликов сущностей вещей в виде трансцендентных, но умопостигаемых эйдосов-образов. В свою очередь, Плотин рассуждал о самоощущающей космической душе и доказывал, что звезды и земля видят, и слышат, и осязают. Это привело Плотина в мир умопостигаемой красоты, в котором эйдосы соединяются с чистой материей. Космос Плотина

Михаил Алексеевич Румянцев — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

иерархически организован и упорядочен на основе эманаций, идущих от высшего к низшему. Его порождающее Первоединое абсолютно превосходит Ум, Душу и, тем более, отдельные вещи в своей созидающей мощи¹. И вот это одухотворенное сверхсущее Первоединство Платона – Плотина никак не есть личность. Это, скорее, универсальный космический порядок — мудрость (σοφία), непрестанно превращающая Хаос в Космос. В отличие от платиновской эманации мира из Первоединого, в христианстве мир признается творением Бога из ничего, соответственно, и тварь получает в дар творчество. Христианский акт творения — это не античное преобразование хаоса материи в благоустроенный космос, а таинство творческого создания бытия из небытия. Христианские мыслители освоили и изменили античное понимание бытия и блага как самодостаточного совершенства. Если в античной парадигме благо есть атрибут одухотворенного и сложно организованного, но внеличного Космоса — «целкупного неба», то в христианской парадигме благо — достояние абсолютного и личного Бога, Его дар творению. Божественное творение определило творческую хозяйственную задачу человека.

Смысл и течение истории в античности были определены в прошлом — в сакральном первовремени, в котором содержатся социальные идеалы. В итоге вся человеческая история оказывается деградацией, регрессом, ухудшением духовного начала жизни, движением к хаосу. Например, Гесиод описывает историю как последовательную смену эпох, взятую в качестве регрессивного нисходящего движения от золотого века к серебряному, медному и железному. Если в первом, золотом веке люди жили «как боги», «со спокойной и ясной душой, горя не зная, не зная трудов, <...> недостаток был им ни в чем неизвестен», то в последнем веке «землю теперь населяют железные люди. Не будет им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя, и от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им. Все же ко всем этим бедам примешены будут и блага»². Итак, если ко всем бедам железного века «примешаны будут и блага», то развитие экономики никак не может обладать самодостаточной и желаемой перспективой: экономика оказывается подчиненной всему общественному контексту, а ее гипертрофия приводит лишь к росту паразитарных перераспределительных практик и к сверхпотреблению.

¹См. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. 620–684.

²Гесиод. Теогония. 113–114, 176–179 // Эллинские поэты в пер. В.В. Вересаева. М., 1963. Эл. версия: Сайт «Интернет-ресурсы по философии и социальным наукам Философского факультета НГУ». URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/lib/hesiod.htm> (дата обращения: 29.07.2010).

Нормативная модель общественно-хозяйственного устройства

Как показал А.Ф. Лосев, классический идеал Античности означает «скульптурное или пластическое» восприятие мира: тождество идеи и материи, данное чувственно-материально, осязаемо и телесно на основе слияния идеально-личного с природным, самодовлеющим и самотождественным космосом³. Столь же целостно, неподвижно и самотождественно выглядел в представлениях греков и римлян общественно-хозяйственный строй.

Хозяйственная деятельность была органической частью целостного универсума, исполнявшая важные, но служебные по отношению к задачам социального космоса общины-государства функции. Ограниченность хозяйственных благ порождала в античном обществе потребность в обеспечении государства и граждан необходимыми средствами существования при обязательном условии сохранения стабильности и устойчивости общины, при обязательном исключении или сведении к минимуму конфликтов между отдельными гражданами. А это предполагало умеренность личных потребностей (идеал патриархальной бедности) и ориентацию на консервативные, освященные традицией способы ведения хозяйства. Общеантичный хозяйственный идеал — образ экономики как «правильного хозяйства», имеющего целью удовлетворение естественных потребностей семьи, умеренный достаток и сытное потребление, но отнюдь не накопление и стяжание. В хозяйстве античная смысловая парадигма полагает себя в виде меры естественных потребностей, задающей целеполагание субъекта. Поэтому основной хозяйственный принцип представлен как принцип самодовлеющего удовлетворения конечных и ограниченных потребностей субъекта. Преобладающий хозяйственный субъект — не вышедший за пределы наличного мира субъект простого воспроизводства.

Эта смысловая парадигма, воплощаясь в материальных практиках личности, приводит к тому, что движение от традиционного хозяйства к самодовлеющей рыночной экономике оказывается невозможной. Такой сдвиг может здесь мыслиться, следовательно, и являться лишь усугублением хаоса железного века и приближением гибели мира. Смысловая парадигма Античности никоим образом не могла привести к становлению системы «античного капитализма», подобной новоевропейскому капитализму — при наличии «объективных» предпосылок подобного переворота в Древнем Риме⁴. Рост денежных богатств,

³ Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н.э. М., 1979. С. 13.

⁴ Анализ экономики Древнего Рима представлен автором в кн.: Румянцев М.А. Религиозные основания хозяйствования. СПб., 2005. С. 73–114.

выход на мировые рынки и захват мировых ресурсов, развитие денежного обращения, торговли и ростовщичества после Пунических войн капитально поколебали полисную мораль и солидарный образ жизни римлян. Богатые граждане всячески обирали бедных и захватывали земли крестьян, когда те воевали вдали от Рима. Крестьяне, в свою очередь, бросали свои земельные участки и толпами уходили в Рим ради беззаботной жизни и получения бесплатного хлеба («хлебных раздач») от власти. С одной стороны, мы видим рост денежных богатств и капиталов, с другой — обезземеливание непосредственных производителей, превращение их в не имеющих собственности пролетариев, и сотни тысяч захваченных рабов. Предпосылки генезиса капитализма — свободный капитал и дешевая рабочая сила — как будто бы налицо. Тем не менее, «духа капитализма» или «буржуазной рационализации» не возникло, да и возникнуть не могло. Фундаментальный мировоззренческий переворот, осуществленный в Новое время, когда неограниченный рост доходов стал самоцелью личности, был невозможен в античном этосе, в котором доминанта естественных потребностей ойкоса (дома, семьи) доминировал над «противной природе» жаждой денег и богатства. Хозяйственные блага интересовали римлян по их конкретному назначению служить средством удовлетворения осязаемой, «телесной», естественной потребности. Отсюда следует, что отвлечение от конкретных свойств хозяйственных благ и их рациональный расчет в денежной форме, присущий европейскому буржуа, был просто невыносим для человека античной эпохи. Латифундии и мастерские с сотнями рабов воспринимались не в качестве анонимных, приносящих прибыль капиталистических предприятий, а как составная часть «дома» — богатого, но все равно семейного, ориентированного на человеческие потребности хозяйства. Рост товарности производства и денежных оборотов не менял сути римской экономики: любое, даже самое товарное, римское имение стремилось к самообеспечению, к удовлетворению потребностей «фамилии» (домашнего хозяйства). Лишь продукция одной, наиболее доходной отрасли шла на рынок, остальные, как правило, продолжали оставаться нетоварными, ориентированными на воспроизводство естественного для римлян образа жизни.

Рост денежных богатств и финансовых операций после побед в Пунических войнах и создания мировой империи был направлен не в накопление капитала и в новые инвестиции, а в ничем не ограниченный рост потребления, доходящего до паразитического сверхпотребления — в создание своего рода античной версии «цивилизации потребления». Широкое развитие денежных операций, торговли и ростовщичества порождало в Риме дух алчности и легкой

наживы, но никак не методичное накопление и производительное инвестирование капитала.

Столь же невозможно было и экономическое развитие на основе принципа частной собственности как «естественного» и самодовлеющего института. По мнению Марка Туллия Цицерона, частной собственности от природы не бывает, она возникает либо путем оккупации незаселенных земель, либо вследствие победы на войне, либо благодаря законам, договорам, жеребьевке. «Мы рождены, — говорил он, — не только для самих себя, но какую-то часть нас по праву требует отечество, другую часть — друзья. Все, что родит земля, — все это предназначено для пользы людей, люди же в свою очередь тоже рождены для людей, дабы они могли приносить пользу друг другу, поэтому, следуя природе, необходимо трудиться для общего блага, употребляя все силы и способности на то, чтобы теснее увязать людей в единое общество»⁵.

Во все времена хозяйственной истории Рима образцовым экономическим типом был никак не буржуа или капиталистический предприниматель, а «добрый земледелец и хороший господин рабов и отпущенников», который «чтит богов, людей и заведенный порядок» и «ведет хозяйство как надо». Или, как говорил еще грек Гесиод, «дом прежде всего, и супруга, и бык-землепашец».

Базовые хозяйственные ценности (на примере Древнего Рима)

Поскольку для римлян мир хозяйства не только конкретен, но и социализирован, то ценности гражданской солидарности определили базовый контекст хозяйственных ценностей в Риме. Собственность и богатство у римлян получали свое оправдание в сферах гражданственности и публичности, где требовалось соответствовать нормам народной солидарности. Богатство обменивалось на социальный капитал: на общественный и властный статус его обладателя; оно выражалось числом «клиентов» и «друзей» у «патрона», измерялось его влиянием и государственной должностью. Для этого богатые с размахом организовывали всевозможные общественные зрелища, гладиаторские игры, массовые представления и т.п. Несмотря на многочисленные «своекорыстные» нарушения норм народной солидарности в частной жизни граждан, именно патриархальный идеал солидарности служил центростремительным началом, удерживающим от распада общественные институты Рима в течение многих веков в условиях, совершенно не похожих на те, в которых он был создан.

⁵ *Марк Туллий Цицерон* Об обязанностях. Цит. по: *Утченко С.Л.* Цицерон и его время. М., 1986. С. 284–285.

Стремление к личному обогащению не только не санкционировалось общественной моралью, но рассматривалось как зло, подрывающее привычный уклад жизни. Начиная с конца III в. до Р.Х., в Риме периодически принимались законы против неограниченных денежных спекуляций и роскоши, представлявшие попытки возврата к прежним нормам патриархальной бедности и народной солидарности. Законодательно ограничивались даже права граждан пользоваться носилками и права женщин носить драгоценности и публично появляться в цветных одеждах. Разумеется, законы эти никогда всецело не исполнялись и не могли восстановить прежние устои. Важно другое. Посредством универсальных институтов римской жизни выражался синтез должного — солидарной традиции и хозяйственной практики, во многом с ней расхोдившейся. Многочисленные и циничные злоупотребления включались в традицию, пусть на правах ее отрицательных, «постыдных» значений. Этот синтез традиций и аморальных хозяйственных практик был наиболее заметен там, где средний римлянин проводил большую часть своей жизни: в публичных местах, на коллективных трапезах, на совместных религиозных культах и во время массовых зрелищ. Именно там богатые и бедные, спекулянты и люмпены объединялись вокруг старинного представления о должном — солидарном общинном идеале. Все они представляли как части *res publica* — народного дела, в иерархии которого громадные состояния, непомерная роскошь и финансовые махинации занимали вторичное, гласно осуждаемое и негласно допускаемое место. Так практика соотносилась с всеобщей нормой солидарного идеала, деформировала, но в итоге все же включалась в нее.

Иерархия в экономике

Иерархия доминировала в античном обществе, строго различавшим «благородный труд свободных» от рабского труда, производящего материальный объект или вещь. В общественной структуре Древнего Рима обнаруживается четкий иерархический принцип разделения людей по степени приближения — удаления к сакральному статусу «вечного города»: патриции — плебеи — пролетарии — союзники — рабы. Институциональный строй Античности представлял собой иерархический хозяйственный порядок, во главе которого стояли свободные собственники — граждане полиса. В римскую эпоху этот иерархический порядок оформился в этику государственности и институциональную систему всемирной империи. В римском этосе античная смысловая парадигма была дана деятельно и социально как коллективная сверхзадача по оформлению и упорядочиванию стихии окружающего мира. Смыслом жизни у римлян стано-

вится подчинение социальной идее, универсальному принципу общей пользы. В отличие от созерцательных эллинов — ценителей искусства и философии, — суровые римляне «ничего не спрашивали и ничего не уважали, кроме полезной деятельности, и требовали, чтобы каждый миг своей короткой жизни человек отдавал труду, у них даже дети должны были скромно завертываться в свое платье, у них считался худым гражданином тот, кто хотел жить не так, как другие, и из отвлеченных идеалов только стремление к величию родины не считалось пустым»⁶. Объектом социального чувства римлян был полис (civitas) — гражданская община как наиболее полное воплощение социального идеала. Рим являлся для них не просто городом-государством, но носителем идеи единения граждан, объединенных общностью происхождения и культуры и поглощенных мыслью об общем благе.

«Римская идея» — это идея, по преимуществу социальная, данная в меру своей практичности, пользы, res publica. Восприятие всего мироздания сквозь призму коллективного социального проекта означает стремление к тотальной институализации мира, к его организации по универсальной и обезличенной схеме. Вот как А.Ф. Лосев характеризует римское право — нагляднейшую и ярчайшую характеристику рационализма римской социальной интуиции: «На свете не было другого права, которое бы так превратило живые человеческие отношения в голое вычисление, в алгебру; и чтобы создать эту рационалистическую громаду, нужны были века пластического, то есть схематического, ощущения социальной жизни. Только всенародный опыт безличной социальности так рассудочно и с такой беспощадной, свирепой, с такой нечеловеческой логикой мог воспроизвести живое общение личностей в виде схем, в виде самоочевидных выводов, в образе математически точно решаемых алгебраических уравнений, в виде римской юриспруденции или римской военной науки, получивших с тех пор мировое значение вплоть до настоящего времени. Римлянин вообще видит в мире только социальное; и это социальное он понимает<...> универсально-юридически»⁷. Римская идея по сущности есть идея тотальной социализации мира, по содержанию — идея утверждения господства римских социальных отношений, по форме — идея институциональная, идея всемирной экспансии и всемирного тиражирования рационалистических институтов римской гражданской общины. Несмотря на то, что при первых императорах Рим утратил наиболее существенные признаки гражданской общины (важнейшие государственные вопросы решались волей императора и влиятельных родов, а не

⁶Моммзен Т. История Рима. СПб., 1993. С. 12.

⁷Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика... С. 14–16.

волеизъявлением народного собрания), императоры упорно представляли свою власть как власть должностного лица республики — обычного гражданина, в руках которого лишь благодаря доверию сената и народа оказалось несколько управленческих функций⁸. Иначе говоря, коренные ценности местной патриархальной общины оставались ядром мировой сверхдержавы, когда сама эта патриархальная община уже исчезла: столь значительна была сила инерции исконных римских институтов. Статус всеохватывающих норм народной жизни они приобрели в эпоху борьбы патрициев и плебеев (V–IV вв. до Р.Х.). Только после уравнивания прав патрициев и плебеев в 366 г. до Р.Х. социальный миф Древнего Рима получил всецело законченный вид. Именно тогда гражданская община достигла необходимого уровня однородности и сплоченности граждан, объединенных идеей всемирной экспансии римских институтов, римской социальности и римского права.

Восприятие мира в координатах господства — подчинения обусловило широкое развитие института рабства и приток после победоносных войн громадных денежных капиталов в натурально-аграрную по своему «первородному образцу» экономику. Только во властной системе координат хозяйство воспринимается римским сознанием, получая статус публичного народного дела. Развитие хозяйства и имущественная дифференциация осуществлялись в контексте всеобщей иерархической взаимозависимости: плебеев от патрициев, народа от аристократии, клиентов от патронов.

Экзистенциальные ресурсы (на примере Древнего Рима)

Экзистенциальные ресурсы Рима — способность к внутренней мобилизации и сверхусилиям ради *res publica* — являлись результатом обожествления государства. Если греческие боги олицетворяли природный космос, то римские — социализировали мир. Римляне почитали государство, и даже таким деяниям, как вспахивание земли, ограждение земельных участков придавали религиозный и провиденциальный смысл. Историческим примерам гражданской доблести римлян, побуждаемых подобного рода энергичностью, несть числа. «Большой взрыв», когда сформировался энергичный потенциал Рима, произошел в царский период его истории (VIII–VI вв. до Р.Х.) — в эпоху зарождения пантеона богов и сакральности «священного города». Римские политические элиты и жрецы умело аккумулировали и направляли в созидательное русло социальную энергию граждан, что обеспечило: а) высокую производительность

⁸Кнабе Г.С. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986. С. 20–21.

ручного труда в сельском хозяйстве, которая на континенте Европы была превзойдена лишь в ходе промышленной революции XIX в.; б) приток материальных и человеческих ресурсов в результате войн; в) невиданный по античным меркам рост благосостояния населения; г) грандиозные успехи в строительстве, всемирное значение римских государственных институтов и римского права.

О высокой энергичной мощности римского хозяйства свидетельствует тот факт, что уже в III–II вв. до Р.Х. предельной для античной Италии — и для Западной Европы вообще — величины (сам-10 или 15 ц с га)⁹ достигла урожайность зерновых. Для сравнения: урожайность в средневековых Франции и Англии составляла сам-3 — сам-4. Лишь с началом промышленной революции в Европе начались существенные сдвиги в производительности аграрного труда. Расцвет в Риме переживало ремесленное производство, интенсивно развивалось денежное и кредитное хозяйство. С притоком после военных побед небывалых прежде богатств Рим стал крупнейшим финансовым центром мира. Хозяйственная энергия римлян искала все новые и новые формы приложения, что выразилось в переходе от натурального хозяйства общины земледельцев к многоукладной и многоотраслевой экономике мировой сверхдержавы — *imperium Romanum*. При этом влияние римской экспансии на экономическое развитие присоединенных земель в целом было благотворным: римляне заботились о земледелии, прокладывали шоссе и дороги; налоги, которые провинции платили метрополии, были даже меньшими, чем ранее. Интерес к хозяйственному освоению захваченных территорий, стремление к обогащению и предприимчивость захватывали все сословия римлян.

Расцвет римского хозяйственного типа воплотился в дифференциации и усложнении хозяйства, в многообразии укладов и институтов. «Цветущая сложность» экономики Рима проявилась в сосуществовании натуральной, товарной, денежной и кредитной систем хозяйства, в развитии крупной и трудовой частной собственности, в гибком использовании различных институтов труда (свободный труд, классическое и патриархальное рабство, «рабы с пекулием», наемный труд, арендаторство и др.), в труде римских агрономов и инженеров, получившем всемирное признание.

Системообразующим субъектом римского хозяйства являлся собственник земли, живущий ее плодами, поскольку именно земледелие почиталось наиболее консервативным, освященным традицией видом хозяйства. Земля была основой общинных порядков, достоянием граждан, связывающим их в единый

⁹ Сам — показатель урожайности зерновых культур, высчитывается путем деления собранного зерна на количество посеянного. — *Прим. отв. ред.*

солидарный организм с обязательной взаимопомощью при стихийных бедствиях, общностью трапез и религиозного культа. По словам Марка Порция Катона, только доход, извлекаемый из земли, давал «честное богатство»: «Из земледельцев выходят самые верные люди и самые стойкие солдаты. И доход этот — самый чистый, самый верный и вовсе не вызывает зависти, и люди, которые на этом деле заняты, злого не умышляют нисколько»¹⁰.

Вот почему основная масса земли (общественное поле, *ager publicus*) считалась принадлежащей всему *populus Romanus* — римскому народу. Право «окупировать», т.е. занимать участки из общественного поля, превратилось в основной источник частной, а в дальнейшем крупной частной земельной собственности. Собственность на землю в Древнем Риме, по определению С.Л. Утченко, выступала в двуединой форме: как собственность государственная и как собственность частная, но всегда так, что последняя была опосредована первой. Необходимой предпосылкой права частной собственности на землю была принадлежность к общине, обеспечивающая статус полноправного гражданина и защиту права собственности¹¹. На практике это означало, что частная собственность на землю в общине не безусловна, подчинена общинной солидарности, и потому община вправе корректировать границы и способы эксплуатации земельных участков.

Когда мотивы обогащения стали преобладать у римлян, активная роль в экономике принадлежала всадникам (финансовой аристократии), нобилем, знатым сенаторам, которые вкладывали огромные средства в скупку земельных участков и создали экономику крупных поместий — латифундий, а также финансовым спекулянтам. Всадники превратили Рим в мировой финансовый и банковский центр. Каждый состоятельный римлянин имел свой счет у банкира, взаимные расчеты посредством банковских переводов были тогда (со II в. до Р.Х.) обычным делом. И все же римское хозяйство оставалось производительным, спекулятивно-финансовый сектор играл в нем — до поры — вторичное положение. Жизнеспособность римского хозяйственного типа воспроизводилась до тех пор, пока воспроизводился ее системообразующий субъект — свободный земледелец, пахарь с его общинной психологической доминантой. Именно антропологические сдвиги в аграрном секторе предопределяли особенности восходящих и нисходящих стадий хозяйственного развития.

¹⁰Цит. по: там же. С. 21.

¹¹Утченко С.Л. Цицерон и его время. С. 30, 32–33.

Исторический пример: антропологические сдвиги в аграрном секторе экономики Древнего Рима¹²

Крестьяне Древнего Рима совершенно по-разному реагировали на социально-экономический кризис во II в. до Р.Х. и кризис в III–IV вв. по Р.Х. Во II в. до Р.Х. в результате конкуренции с латифундиями и массовым использованием дешевого рабского труда началось разорение мелких крестьянских хозяйств. Однако значительная часть крестьян сумела тогда найти ответ на вызов экономической ситуации. Они стали уделять значительно больше внимание агрокультуре, интенсифицировали труд, создали новую отрасль — знаменитое италийское виноделие. Вспышка энергии и предприимчивости земельных собственников привела сельское хозяйство Италии к подъему, выразившемуся в эффективном использовании ресурсов и в росте урожайности.

Совсем иначе реагировали крестьяне Италии на кризис в III–IV вв. Они уже и не помышляли об открытии новых форм организации труда или о необходимости интенсивной работы на своих наделах. Напротив, экономический кризис инициировал повальное бегство крестьян (как, впрочем, и городских ремесленников) в латифундии под патронаж крупных земельных магнатов. Там крестьяне пополняли домашнюю челядь латифундистов или становились лично зависимыми колонами. Взамен они получили возможность элементарного физического выживания. Результатом этого явились запустение земель Италии, переход от интенсивного товарного хозяйства к экстенсивному, падение урожайности и т. п.

Объяснение столь разительного отличия крестьян II в. до Р.Х. и их далеких потомков явно лежит не в технологической сфере: за эти пять веков материальный базис аграрной экономики оставался однотипным. Тезис о том, что «рабство погубило Рим» неуместен, так как в эпоху упадка Римской империи классическое рабство фактически исчезло из материального производства. Обращение к институциональным вопросам также не будет плодотворным. Древнеримской экономике была присуща досконально разработанная система обеспечения прав частной собственности и других хозяйственных прав. Приоритетное положение среди институтов экономики занимало обязательственное право, и прежде всего, — договор (*contractus*). Разработанная выдающимися римскими юристами система хозяйственных договоров обеспечивала стабильность и надежность рыночного оборота. Примечательно, что наивысший подъем римской юриспруденции пришелся на I–III вв. по Р.Х. Кризис III–IV вв. проходил

¹²См. также: Румянцев М.А. Религиозные основания хозяйствования. С. 115–118.

в максимально благоприятной для экономического развития институциональной среде. Иными словами, с позиции неинституциональной теории никаких оснований для коллапса, поразившего экономику Италии, просто не было.

В чем же дело? Если мы признали технологические и институциональные объяснения экономического упадка Рима неудовлетворительными, то нам остается только обратиться к человеческому фактору; к тем сугубо личностным измерениям экономики, которые порождают различия в степени самоотдачи и мобилизованности субъектов. К III в. в Риме произошла полная смена господствующего типа личности. Смыслы патриотизма, труда и долга, которые воодушевляли целые поколения римских граждан — рачительных «отцов семейства» были забыты их далекими потомками. Практичность и предприимчивость, присущие римскому хозяйственному этосу, выродились в паразитарные мотивы денежных спекулянтов и люмпенов-потребителей.

Объективно-идеальная форма экономических благ

Весьма показательные рассуждения о характере идеализации благ в античном хозяйстве мы находим в «Домострое» Ксенофонта — в диалоге Сократа и Критобула:

— Клянусь Зевсом, — отвечал Критобул, — хозяйство — это то, что человек имеет хорошего; но, если он имеет что дурное, того я не называю имуществом.

— По-видимому, ты называешь имуществом каждого вещи, полезные ему.

— Конечно, — отвечал тот, — а то, что вредит, я считаю скорее убытком, чем ценностью.

— Значит, если человек, купивши лошадь, не умеет ею воспользоваться, а падает с нее и получает вред, то лошадь для него не ценность?

— Нет. Коль скоро ценность есть нечто хорошее.

<...>

— Так ты, по-видимому, полезные предметы считаешь ценностью, а вредные — не ценностью.

— Так.

— Значит, эти предметы, хоть они одни и те же, для умеющего пользоваться каждым из них — ценность, а для неумеющего — не ценность: так, например, флейта для того, кто умеет искусно играть, — ценность, а кто не умеет, для того она ничем не лучше бесполезных камней, разве только он ее продаст.

— Вот именно к этому выводу мы и пришли: для того, кто не умеет пользоваться флейтой, если он ее продает, она ценность, а если не продает, а владеет ею — не ценность¹³.

Ценность хозяйственных благ в античности сочетала в себе: а) единство натуральной и моральной сторон хозяйственной деятельности; б) единство естественной, необходимой для жизни потребности человека и способов ее удовлетворения; и в) единство потребительной ценности и меновой стоимости при вторичности денежных оценок благ по отношению к их общественно-полезным свойствам. Идеальное значение или необсуждаемый смысл хозяйственного блага приобрели натуральный (благом надо было «уметь» воспользоваться) и моральный (благо не должно приносить вреда душе и телу) аспекты хозяйственной ценности.

Рациональность хозяйственных целей не дана в содержании материальных практических целей самих по себе, она определена идеальным контекстом преобладающих мифов. Действие, которое кажется иррациональным, при включении в систему мифов исторического субъекта весьма часто оказывается рациональным и наоборот. Критерий рациональности поведения отдельной личности содержится в мифах общества и зависит от точки зрения общества на то, какой способ поддержания своего существования считать эффективным и разумным. Вот весьма поучительный сюжет на тему римской хозяйственной мифологии и ее продуктивного значения.

Хозяйственная мифология и водопроводы Рима

Согласно данным из сочинения Г.С. Кнабе, количества воды, которые водопроводы доставляли в Древний Рим, были несоизмеримы с обычными масштабами той эпохи и могут быть оценены только при сопоставлении с соответствующими сведениями по индустриальным обществам. Если в начале XX в. в Петербурге на каждого жителя приходилось 200 литров воды в сутки, в середине XX в. в Нью-Йорке — 520, то в конце существования Римской империи на каждого римлянина — от 600 до 900. При таком размахе водопроводных систем не поддается логическому объяснению «тот факт, что жители империи, уже с I в. н.э. прекрасно умевшие изготавливать краны, почти ими не пользовались, и поступающая в город вода текла непрерывным потоком из домашних водопроводов, из уличных колонок и фонтанов, <...> и, доставленная с таким трудом

¹³ *Ксенофонт*. Домострой. 1.5–11 // *Ксенофонт*. Сократические сочинения. СПб., 1993. С. 257–258.

в город, ежедневно тысячами тонн уходила без всякой пользы в канализацию и реки». Причем считалось, что «главная задача сенатора, ответственного за римские водопроводы, — прилагать величайшее тщание к тому, чтобы в уличных бассейнах вода изливалась днем и ночью»¹⁴.

Либеральный экономист объяснил бы эту «странность» следствием нерациональной организации римского хозяйства. Однако римляне считали все естественные воды принадлежностью общины как целого, и потому управление водоснабжением должно было воспроизводить отношения солидарности и единства граждан. В римской мифологии в основе каждого культа лежал исходный образ-понятие. По отношению к проточной воде таким образом-понятием была «энергия, с которой вода, подчиняясь неведомой силе, вечным током устремлялась из тьмы, где дотоле пребывала на белый свет». Любое преграждение изливающейся воды считалось кощунственным нарушением энергии ее свободного тока. Поэтому водопроводы, имевшие сакральную природу, никак не могли рассматриваться с точки зрения инструментальной рациональности¹⁵.

И именно благодаря «нерациональным» мифам римские водопроводы достигли всемирного масштаба одного из наиболее выдающихся инженерных сооружений, с помощью которого успешно удовлетворялись вполне рациональные потребности жизнеобеспечения миллионного города-государства.

Стадиальность развития и ключевые социально-экономические трансформации на примере Древнего Рима

Развитие римского хозяйственного типа было неоднородным. Оно имело начало и конец, периоды расцвета и упадка, которые сменяли друг друга в течение двенадцати веков. Всего можно выделить 8 состояний или стадий жизненного цикла религиозно-хозяйственного типа Рима.

На первой стадии (VIII–VI вв. до Р.Х.) образовался религиозный архетип — первопринцип отношения человека к Абсолюту. Это выразилось в имманентном Риму чувстве святости государства, в обожествлении государства и его институтов. Идеалом стал герой, жертвовавший жизнью ради общего блага, ради своих сограждан.

На второй стадии (V–IV вв. до Р.Х.) после уравнивания прав патрициев и плебеев в ходе популистских реформ общество объединилось и превратилось в *res publica* — в «общее дело» римского народа. Гражданская община аккумулировала народную энергию, которая преобразовывалась в социальный проект

¹⁴Кнабе Г.С. Древний Рим... С. 36, 55.

¹⁵Там же. С. 82–85.

мирового господства, всемирной экспансии римских порядков, римских институтов и римского права. Тогда же экономика манифестируется в качестве составной части публичной жизни граждан и складывается классический тип римлянина — трудолюбивого пахаря и рачительного домохозяина, неукоснительно исполнявшего долг перед богами, предками и согражданами.

На третьей стадии (III–II вв. до Р.Х.) Рим достигает расцвета, о котором свидетельствует создание мировой державы в результате военных побед и экспансии «римского духа». Экономика переживает подъем. Прежняя замкнутая община пахарей трансформируется в эффективное многоукладное хозяйство мирового государства. Растет производительность труда в земледелии и ремесле, интенсивно развиваются торговля и денежное обращение. В области хозяйственных ценностей стремление личности к самоутверждению и к обогащению сочетается с заветами старины, с требованиями общественного долга и служения государству. Однако императивы консервативного типа постепенно превращаются в утилитарные мотивы личности, а ценности общего блага и жертвенности уступают место меновым критериям обмена и стремлению к личной власти, к самоутверждению индивидуальности. И все же, классические римские архетипы по-прежнему объединяют людей и питают энергией их социально-экономическую практику.

На четвертой стадии (I в. до Р.Х.) римский человеческий тип деградирует: императивы, объединяющие людей, теряют свое значение «удерживающих» общество от распада и хаоса. Кризис религиозного мировоззрения выражается в религиозном синкретизме и плюрализме, тождественным равнодушию и безверию, в упадке патриархальных нравов, в кризисе семьи и рождаемости. Происходит смена доминирующих типов личности: расслабленный гедонист-потребитель вытесняет воодушевленного римской идеей целеустремленного и деятельного гражданина. В экономике преобладают паразитарные мотивы, из продуктивно-ориентированного хозяйства она превращается в систему глобального перераспределения мировых ресурсов, лишенную стимулов к созидательному развитию. В итоге римская цивилизация оказывается на краю гибели.

На пятой стадии (30 г. до Р.Х. – 14 г. по Р.Х.) происходит римское возрождение — реформы Августа, реанимировавшие духовные устои общества и «старые добрые нравы». В новых условиях, когда личная жизнь изолированного субъекта вышла на первый план, попытка возрождения классической римской религиозности и классического типа римлянина придала новый положительный толчок социально-экономическому развитию.

Шестая стадия (I–II вв.) оказалась «золотым веком» Рима — временем расцвета его культурной и экономической жизни. В религиозной области сосуществовали самые разнообразные мировоззрения, однако роль скрепляющего начала играл автохтонный культ римского государства (в форме культа императоров). Римский традиционный дух и римское чувство жизни обеспечивали единство и всемирную экспансию империи. Рост чувства субъективизма у римлян в подобной универсальной духовной среде обернулся хозяйственным созиданием и предприимчивостью, возродившими продуктивную и эффективную экономику. Многообразие хозяйственных стилей и многоукладность хозяйства выражали усложнение институциональной структуры экономики, ее поступательную динамику. Достижения римских агрономов, инженеров и строителей приобрели всемирно-историческое значение.

На седьмой стадии (конец II–IV вв.) вновь наступила инволюция «римского духа», окончательно растворившегося в космополитическом разнообразии вер, мировоззрений и философских систем поздней империи. Религиозность утратила прежнее значение для личности, перестала подпитывать ее энергией воодушевления, необходимой для созидательных деяний. Методическая целеустремленность и воля, столь присущие римскому этосу, постепенно исчезают, а античный архетип презрения к производительному труду как уделу «варваров» при отсутствии моральных ограничений резко активизируется. Трудовая мотивация падает. Доминирующим типом становится космополит-потребитель, «уставший» от энергичных действий. Структура хозяйства упрощается: ремесло и торговля переживают упадок, а население покидает города и бежит в латифундии ради элементарного физического выживания. Полное экономическое обособление регионов и даже районов обширной империи угрожает ей окончательной гибелью.

Впрочем, хаос и нарастание энтропии удалось остановить искусственным путем. Благодаря силе инерции римского «гения организации» были проведены успешные административные реформы, установившие принудительное идеологическое единство, экономика была унифицирована и приспособлена к обеспечению жизни масс населения. Но социальные и экономические институты империи представляли пустую оболочку, под ними уже не было органического целого — римского мира, объединяющего десятки миллионов людей средиземно-морской ойкумены. Космополит-потребитель, лишенный энергии и воли, превратился в преобладающий социальный тип.

На восьмой стадии (конец IV в.) наступило окончательное разложение и гибель религиозно-хозяйственного типа Рима. «Всесмешение» идеологий окон-

чательно разрушает духовный мир империи. Потребности людей в абсолютных истинах оказываются неудовлетворенными. Эпоха религиозного и культурного космополитизма завершается утратой традиционных представлений о долге и совести. Эмансипация от норм морали и преобладание эгоистического сознания окончательно компрометируют античные ценности. Последние более не побуждают воинов и чиновников к исполнению долга, купцов — к честной торговле и верности слову, крестьян и ремесленников — к производительному труду и рачительному хозяйствованию. Как результат, наступила эпоха выбора духовной альтернативы — период становления нового христианского хозяйственного типа.

Для хозяйственных типов, основанных на традиции, успешной может быть только внутрисистемная трансформация, основанная на прежней смысловой парадигме, — реставрация, но не модернизация. В этом отношении обратим внимание на реформы цезаря Августа. В ситуации глубокого кризиса, начавшегося в I в. до Р.Х., когда хозяйственный тип Рима оказался под угрозой гибели, Август провел консервативные реформы, давшие новый энергичный толчок — второй «Большой взрыв» для трехвекового поступательного развития римского хозяйства.

Исторический пример. Реставрация Августа — успешная внутрисистемная трансформация хозяйственного типа Древнего Рима

Реформы и принципат Августа (30 г. до Р.Х. – 14 г. по Р.Х.). В Риме постепенно созревало убеждение в том, что глубокий кризис общества и трагедии непрерывных гражданских войн были своего рода «наказанием» за пренебрежение нравами предков и исконной религией. Поэт Гораций призывал сограждан вновь отстроить храмы и очистить статуи богов от грязи и копоти. Воплотил в жизнь реставрационные уמוнастроения Октавиан Август.

Август сумел реанимировать духовные устои Рима и укрепить консервативную мораль, оживить «старые добрые нравы». Приняв сан верховного понтифика (жреца) и возвысив значение религиозных учреждений, он деятельно осуществлял политику возрождения и модернизации традиционных институтов. Возрождение религиозной жизни объяснялось не только политическими мотивами (Август видел в религии опору собственной власти и государства), но и тем, что «порча» нравов затронула в основном образованные слои больших городов, население же деревень и маленьких городов Италии по-прежнему веровало в старых богов. Значительная часть римского общества была еще доста-

точно патриархальной, что немало способствовало проведению духовной реставрации.

Особое значение Август придал старинному культу ларов, гораздо более чем другие римские боги соприкасавшимися с повседневной жизнью человека. Они выражали вездесущий божественный промысел и были домашними богами, богами-покровителями на улицах и в путях, предоставляли человеку божественную защиту и сопутствовали во всех начинаниях. С наиболее близким народному сознанию культом ларов Августу удалось соединить почитание своего гения, в котором отныне следовало видеть присутствующего в телесном образе бога. Так была создана новая государственная религия Рима — культ императоров, получивший при этом характер древний и национальный. Однако национальная, исконно римская религия нуждалась в статусе универсальной религии, объединяющей вероисповедания различных народов, включенных в империю. Поэтому Рим признавал всех богов, отчасти отождествляя их с собственными; только выше всех прочих богов стоял культ римского государства и римского императора. Это соответствовало обычаям покоренных народов Востока и способствовало их интеграции в систему единой империи. В результате религиозный архетип Рима обрел новые формы для развития в новых исторических условиях.

Апеллируя к религии и нравам предков, Август предпринял целый ряд мероприятий в целях реставрации классического типа римлянина. Была проведена кампания против безбрачия и приняты законы о льготах для граждан, имеющих трех и более детей, и законы о наказании нарушения семейной верности. Для уменьшения количества туенядцев было сокращено число получателей дарового хлеба (правда, по политическим мотивам их оставалось в Риме довольно много — 200 тыс. человек). Была ужесточена политика в отношении рабов, так как считалось, что свободные римские граждане имеют более высокий моральный уровень, чем рабы. Отпуск рабов на волю был запрещен ранее, чем через 20 лет после их покупки. Кроме того, господин, отпускавший раба на волю, должен был уплачивать 5% его стоимости в виде налога. Сенат, по предложению Августа, восстановил древний закон, согласно которому в случае убийства рабом своего господина казни подлежат все рабы и вольноотпущенники, находившиеся в доме в момент убийства. Сенаторам и всадникам запрещалось вступать в родство с вольноотпущенниками.

Август стремился вернуть римским сословиям прежний служивый и производительный характер. Значительно расширилось количество пролетариев, которые расселялись в провинциях и наделялись земельными участками для

ведения хозяйства. Август покровительствовал членам древних патрицианских родов, стремясь возродить их значение опоры государства. Особое значение имела политика в отношении всаднического сословия. Всадники по-прежнему собирали по откупу налоги с провинций, но только косвенные подати. Прямые налоги собирались без участия откупщиков. Ограничив финансовые аппетиты всадников, Август постепенно превратил их из сословия денежных воротил в служивое сословие Римской империи. Ряды всадников пополнялись военными ветеранами, они становились военачальниками и провинциальными чиновниками.

Приняв титул принцепса — «первого среди граждан», Август сконцентрировал в своих руках военную и финансовую власть. Властные ресурсы принцепса позволили ему осуществить реформу государственного управления и создать новый класс римской имперской бюрократии, эффективно работавшей на протяжении последующих веков. При Августе проводились широкомасштабные общественные работы и грандиозное строительство инфраструктуры. В одном из малоазийских городов была выбита надпись, так характеризовавшая время Августа: «Царит мир на суше и на море, процветают города, правят добрые законы и есть согласие и изобилие всех благ»¹⁶. И здесь нет сколько-нибудь вопиющего или чрезмерного преувеличения. Реставрация при Августе придала новый импульс развитию римского общества и создала предпосылки для наступления нового этапа римской истории — «золотого века» империи.

Заключение

В отличие от эпохи Августа кризис т.н. «поздней Античности» обернулся катастрофой¹⁷. Управленческая элита Западной Римской империи не смогла найти новую институциональную модель развития в ответ на вызовы со стороны возросших экономических и военно-политических ограничений. На базе исчерпавшей себя античной парадигмы произошел отрицательный антропологический сдвиг. Единство античного хозяйственного типа по ценностному кри-

¹⁶Так называемая надпись из Галикарнаса (см., напр.: *Куманецкий К.* История культуры древней Греции и Рима. IV. Рим в эпоху принципата. Политика Августа. М., 1992. С. 266). Ср. со словами св. ап. Павла, сказанными примерно в ту же эпоху, но содержащими в себе предвидение как экономического, так и духовного кризиса поздней Античности: «когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Фесс 5:3). — *Прим. отв. ред.*

¹⁷Катастрофа — необратимая реакция динамической системы на плавные изменения внешней среды (в нашем исследовании катастрофа — регресс и гибель хозяйственного типа в результате неадекватных реакций на растущие ограничения социально-экономического развития).

терию было подорвано. Во времена поздней античности мотивации биологического выживания — но без демографического воспроизводства! — полностью преобладали над продуктивными и творческими мотивами человека. Управленческие элиты Западной империи оказались не способны ни к реставрации античной парадигмы, ни к системной социально-экономической трансформации — к тому, чтобы возглавить переход к новой христианской парадигме. В результате затяжной кризис поздней Античности дошел до стадии катастрофы.

Показательно, что атрибуты современного экономического кризиса — атрофия продуктивных хозяйственных мотиваций, массовый исход людей из сфер производительного труда, подмена трудовой этики спекулятивными мотивами, потребительский гедонизм, снижение рождаемости, перенос производительных отраслей из центра на периферию во многом повторяют процессы, приведшие Древний Рим к катастрофе.

Катастрофа Рима произошла в трех формах: формационной, цивилизационной и антропологической. Таким образом, рабовладельческая формация уступила место феодальной; христианская парадигма полностью вытеснила античную; произошла смена субъекта общественно-хозяйственного развития, в результате которой римляне и италики практически исчезли, а на территории Западной империи стал господствовать новый субъект истории — готы и германцы.

Иначе проходила трансформация в Восточной империи: антропологические, смысловые, цивилизационные и формационные сдвиги не сопровождалась в Византии антропологической катастрофой. Народы восточного Средиземноморья сохранились и перешли на новую христианскую стадию общественно-хозяйственного развития. В Византийской империи государственные, хозяйственные и правовые институты Рима были освоены, переработаны и наполнены христианским содержанием. В православной традиции социальный идеал определяется как «священное царство» — Христианская империя, в которой власть басилевса (царя, императора, самодержца) есть власть «удерживающего» мир от окончательной деградации и подчинения силам зла. Империя как земная проекция святости освящается Церковью и потому каждый христианин-подданный империи призван участвовать во всеобщем спасении через выполнение своей миссии в жизнестрое империи. Так и на Руси в царствование Ивана Калиты была органично воспринята и стала внедряться модель имперского устройства, заимствованная у материнской — византийской цивилизации, а под влиянием исторического наследия Византийской империи на Руси сложился имперский сословно-служивый строй государства и общества. Православным империям

Византии и России была присуща симфония — идея синтеза государственной и церковной власти (речь здесь идет не о неизбежных отклонениях от нормы, а о самой норме). Симфония империи и Церкви, спроецированная на общество, дала идеал целостного, нерасчлененного общественно-хозяйственного устройства православной цивилизации.

Источники и литература

1. *Гесиод*. Теогония // Эллинские поэты в пер. В.В. Вересаева. М., 1963. Эл. версия: Сайт «Интернет-ресурсы по философии и социальным наукам Философского факультета НГУ». URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/lib/hesiod.htm> (дата обращения: 29.07.2010)
2. *Кнабе Г.С.* Древний Рим — история и повседневность. М., 1986.
3. *Ксенофонт*. Домострой // *Ксенофонт*. Сократические сочинения. СПб., 1993.
4. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
5. *Лосев А.Ф.* Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н.э. М., 1979.
6. *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1993.
7. *Румянцев М.А.* Религиозные основания хозяйствования. СПб., 2005.
8. *Утченко С.Л.* Цицерон и его время. М., 1986.